

Так кто же у нас умственно отсталый?

«Особенно остро ОНО проявляется в общении, где понимаешь всю беду, где чувствуешь себя неполноценным человеком по отношению к своим сверстникам и даже к тем, кто младше; где ты не можешь ответить, потому что не знаешь того, о чем говорят; не можешь поддержать разговор из-за неумения строить предложения и из-за бедности словарного запаса...» — это цитата из очень личного письма красивого молодого человека, по виду которого ни за что не скажешь, что его мучают подобные проблемы. Константин недавно окончил художественно-реставрационный лицей, сейчас работает по специальности. В дипломе у него отличные оценки по философии, математике, английскому... Казалось бы, что тут особенного? Обычный способный юноша. Вот только ОНО, о котором говорится в письме, — это клеймо, сопровождавшее его в течение первых четырнадцати лет жизни, когда в медицинской карте Константина стоял диагноз: олигофрения в стадии дебильности.

«НО ЧУДО ЕСТЬ ЧУДО, И ЧУДО ЕСТЬ БОГ»

Его действие началось самым обыденным образом: в 78-м году неподалеку от дома, где жила Клара Григорьевна Волкова, открыли детский дом для умственно отсталых детей. Маленькие уродливые детишки (у многих из них — «заячья губа») клячили у окрестных жителей деньги. Однако эта «тетенька» денег не дала, а пригласила в гости на чашку чая. Время от времени кто-то из детей заходил к ней — поговорить, отогреться. Ее жизнь шла своим чередом: дочка давно уже жила своей семьей, внуки выросли, муж умер. В 86-м году в ее доме появился 12-летний Костя. Вскоре он привел своих друзей: Вову, Женю, Олега, девочку Валю. Чем ближе Клара Григорьевна знакомилась со своими новыми друзьями, тем больше она убеждалась в том, что обделила их не природа, не Бог, а люди. Перед ней были маленькие «маугли», выросшие в диком мире, не знающие ничего, что знают их «домашние» сверстники. Их диагнозы долгое время были ей неизвестны — медкарточки охраняли, как секретные документы. Чем она могла им помочь? Усыновить их ей, пенсионерке, никто бы не дал. Даже чтобы брать детей на субботу-воскресенье, требовался целый набор справок из психдиспансера и из милиции. Она не стала заниматься этим тягостным оформлением. Ходила с детьми по музеям, читала им книги, разговари-

вала. Сделали операции — избавились от «заячьих губ». В 89-м году ей удалось убедить Комитет по народному образованию, что требование подобных справок — нарушение прав человека, а ее нормальность и благонамеренность вполне могут подтвердить работники интерната. Потом вместе с одной из преподавательниц добилась снятия диагноза — всем пятерым. Между тем года-то у них росли, и срок пребывания в интернате заканчивался. Всех их распределили по заводским общежитиям, и предполагалось, что всю оставшуюся жизнь заниматься им только какими-нибудь подсобными работами.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ —

К ОЧЕНЬ ДАЛЕКИМ ЗВЕЗДАМ

Клара Григорьевна понимала, что детям надо учиться, но куда их возьмут? Ведь за восемь лет обучения им давалась программа, соответствующая трем с половиной классам нормальной школы. На весь город имелся один реабилитационный класс — где-то на Гражданке. Валя, Олег и Вова поступили туда и за два года догнали «нормальных» девятиклассников. Костя с детства любил рисовать, и Клара Григорьевна рискнула — отнесла его работы на конкурс в художественно-реставрационный лицей. Хотя у остальных абитуриентов за плечами была нормальная восьмилетка и, как правило, детская художественная школа, конкурс он прошел. Дальше начались мучения. В лицее преподавали предметы, о которых он и слышать не слышал: математику, физику, историю... После первого урока химии Костя пришел в слезах, сказал, что чувствует себя иностранцем — не понимает ни одного слова. Клара Григорьевна кинулась к педагогам, и те взялись помочь: стали заниматься с ним индивидуально. «Что произошло дальше; — говорит Клара Григорьевна, — это тайна мозга». За три года Костя догнал и перегнал своих сверстников. Все экзамены сдал на «отлично». Дипломное сочинение писал по повести Приставкина «Ночевала тучка золотая...» (любимая книга всех ее воспитанников). Сейчас купил словарей, немецкую грамматику знает уже лучше русской, но собой недоулен. Знакомый немецкий студент-русист, для которого Костя перевел какой-то текст на русский, по сию пору не верит, что Костя учил язык четыре месяца, а не четыре года.

Валя еще в интернате занималась спортом. Нагнал сверстников по общеобразовательной программе, поступила в Педагогический университет на

кафедру физической культуры. Проучилась год и поняла, что этого ей недостаточно. Стала брать уроки немецкого, а чтобы раздобыть деньги на учебу — дежурила по ночам в коммерческом ларьке. В этом году выдержала экзамены в тот же вуз — на немецкое отделение, но недобрала нескольких баллов. Сколько ни доказывала Клара Григорьевна приемной комиссии Педагогического университета, что льготы для детей-сирот, по которым им для поступления в вуз достаточно сдать экзамены с положительными оценками, напрямую относятся к ее питомице, педагога ей отказали. Сослались на то, что льготы действует только в первый год после школы. Можно подумать, что на второй год девочка перестала быть сиротой. То, что девушка, большую часть жизни считавшаяся умственно отсталой, за этот год преодолела пропасть, отделявшую ее от «домашних» детей, здесь в расчет не принимают. Чтобы не терять времени даром, Валентина поступила на немецкое отделение одного из колледжей, где успешно учится.

Олег после одиннадцатипетки служит в армии. Сейчас он ефрейтор, скоро будет сержантом. Вова приобрел специальность бухгалтера — училище окончил с красным дипломом. Теперь учится в финансовом колледже, где изучает высшую математику и экономику. Из всех воспитанников Клары Григорьевны Женя самый начитанный. «Доктора Живаго» запоем читает. Специальность каменщика-печника, которую он приобрел в ПТУ, ему совсем не подходит. Но Клара Григорьевна уверена, что со временем и у него дела пойдут на лад. «Я горжусь своими ребятами, — говорит она. — Они добрые, они умеют сопереживать. А то зло, что причинила им система, всеми силами сами стараются исправлять».

ПОХОЖЕ, НАШЕЙ СТРАНЕ НУЖНЫ ОДНИ ПРЕСТУПНИКИ

«У 80% детей, живущих в сиротских специализированных интернатах, диагноз поставлен неправильно», — уверена Клара Григорьевна. Ее предложения просты и разумны. Но до тех, кто распоряжается судьбами сирот, ей не докричаться. Вот вкратце выводы, сделанные ею из собственного опыта.

Врачи должны нести ответственность за вред, причиненный неправильным диагнозом. Кроме того, чтобы последствия подобных ошибок были менее тяжкими, следует всем детям предоставлять возможность хотя бы год-другой учиться по программе нормальной школы.

Необходимо создавать семейные детские дома. Интернаты-гиганты подавляют личность. Дети в них не знают фразы: «Я решил», на все у них «мы». В отличие от семьи, они не участвуют в хозяйственной и бытовой жизни интерната, получают все готовым, без собственных усилий, и выходят во взрослую жизнь совершенно к ней не подготовленными. Лишившись привычной «халювы», легко идут на преступление, становятся послушными исполнителями в любых бандах. У выпускников этих интернатов должно быть место, куда они всегда могут обратиться за поддержкой. Например, фонд, помогающий справиться с трудностями новой жизни. «Совершеннолетие таких детей, — говорит Клара Григорьевна, — наступает позже, в 20—21 год». А пока они учатся, им должна выплачиваться пенсия за потерю кормильца, ведь им все дается труднее, чем остальным студентам.

Если найдется кто-то, кому нужен ее бесценный опыт, вот телефон: 122-49-41.

И СНОВА — О ЛЮБВИ, ТВОРЯЩЕЙ ЧУДЕСА

Они давно уже стали одной семьей, хоть формально Клара Григорьевна по-прежнему и не опекун, и не усыновитель. Для них она и «Клаша», и мама, и бабушка. «Нам Бог помогает», — говорит она. В шестьдесят лет эта пенсионерка крестилась. Потом стала крестной матерью своим питомцам. Собираются вместе на Рождество и знают, что Бог с ними. С 17 лет начали отмечать дни рождения — впервые в жизни. «Ведь это счастье, что вы появились на свет», — говорит она им. Жизнь этой красивой женщины (стройная, в джинсах, с легкой походкой, она выглядит удивительно молодо) интересуются в основном иностранцы да журналисты. «Жирафы» тоже сразу увидели в ней своего человека, а общество «За мир и гармонию» наградило ее знаком «Золотое сердце», который вручается за «многолетнюю самоотверженную, бескорыстную и действенную заботу о людях». Только наши чиновники по-прежнему глядят на нее угрюмо-недоверчиво. «Зачем ей это надо?» — вот вопрос, на который им никак не найти ответа.

Об одном из признаков последнего времени в Евангелии сказано: «И во многих охладет любовь». Может, за то, что конец света все еще не наступил, нам следует поблагодарить Клару Григорьевну?

Елена ПУДОВКИНА

Елена Пудовкина
1 А ДЕК 1995

12